

Стоявший в стороне Инь Лэ, ожидавший изначально посмотреть зрелище, получив выговор от отца, хоть и затаил в душе недовольство, но не осмелился спорить с родителем. В последний раз взглянув на Тао Яня, он фыркнул и резко развернулся, чтобы уйти.

Кто бы мог подумать, что не успев дойти до двери, он услышал спокойный голос Тао Яня, доносящийся сзади.

— Такую красивую кожу, молодой господин Инь, вам стоит хорошенько беречь.

Эти слова, услышанные обычным человеком, наверняка показались бы комплиментом, но для Инь Лэ они прозвучали как гром среди ясного неба, едва не лишив его души.

— О чём ты говоришь! — резко обернувшись, Инь Лэ в его прекрасных глазах-персиках всё ещё читался не успевший схорониться ужас.

На ясном и изящном лице Тао Яня по-прежнему сохранялось мягкое выражение, словно эти слова вовсе не были им произнесены. Он был совершенно невозмутим.

Но если он мог сохранять спокойствие, то Инь Лэ — нет. Он почти инстинктивно бросился вперёд, чтобы схватить Тао Яня за руку, но, не успев коснуться, словно наткнулся на какую-то преграду. Его отбросило назад, он шлёпнулся на пол, издав несколько пронзительный вопль.

Что было ещё страшнее, так это то, что на прекрасном лице Инь Лэ появился лёгкий белый дымок, будто что-то его разъедало. Лицо быстро исказилось, кожа начала слезать, выглядело это крайне пугающе.

Всего за несколько вдохов и выдохов изначально поразительно красивая кожа Инь Лэ полностью облезла. А под ней открылся его истинный облик.

Исчезли соблазнительные глаза-персики, исчез прямой и изящный нос, исчезла белая и нежная кожа. Вместо них появилось уродливое, покрытое ямками лицо, от которого становилось жутко.

Когда острая боль утихла, первым делом Инь Лэ потянулся рукой к своему лицу. Ощущение неровной поверхности едва не свело его с ума. В отчаянии он поднял с пола свою слезшую кожу и начал бормотать:

— Кожа, моя кожа... Что делать, что делать, я испортил её, она убьёт меня, она точно убьёт меня...

Увидев страдания сына, на лице Инь Чжипэна вспыхнула ярость, но направлена она была не на Тао Яня, а на Инь Лэ. Он резко поднялся с дивана, крупными шагами подошёл к своему жалкому сыну и, стиснув зубы, спросил:

— Разве я не говорил тебе, чтобы ты больше не связывался с этой штукой? Почему ты не слушаешь меня?!

Инь Лэ, пребывавший в отчаянии, услышав гневный окрик Инь Чжипэна, одеревенело повернул голову и посмотрел на отца. Его маленькие, словно горошины, глаза были полны явной ненависти:

— Не слушать тебя? Почему я должен слушать тебя? Почему ты можешь заключать сделки с ними, а я нет?

Ненависть в глазах Инь Лэ становилась всё сильнее. Аккуратно положив свою кожу на пол, он бросился на Инь Чжипэна:

— Почему я обратился к нему? Всё из-за вас! Если бы семья Инь не совершала столько злодеяний, я бы не оказался в таком положении! Это долг семьи Инь, это ваш долг, это всё ваш долг!

Когда отец и сын уже готовы были схватиться друг с другом, в особняке раздался мягкий голос.

— Было бы жаль, если бы эта кожа просто испортилась. Хорошо бы, если бы кто-то смог её починить.

Голос Тао Яня был негромким, но словно обладал магической силой, завораживающей сердца, и успешно заставил бросившегося вперёд Инь Лэ замереть.

Словно очнувшись, Инь Лэ бросил попытки драться с Инь Чжипэном, снова бросился на пол и, словно обретя сокровище, поднял слезшую, изъязвлённую кожу. Кувыркаясь и спотыкаясь, он быстро взбежал по лестнице.

Глядя на его спину, лицо Инь Чжипэна стало мрачным, словно вот-вот прольётся дождь. Увидев, что Тао Янь собирается последовать за ним, его выражение стало ещё неприятнее:

— Господин Тао.

Тао Янь обернулся, спокойно посмотрел на него и улыбнулся:

— Я пойду посмотрю, как поживает ваш сын. Ведь в начале следующего месяца юбилей у старейшины. Если сейчас с вашим сыном что-то случится, это будет не очень хорошо.

Инь Чжипэн хотел остановить его, чтобы не выносить сор из избы, но явно что-то сдерживало его. Молча он последовал за Тао Янем, направляясь туда, куда ушёл Инь Лэ.

Инь Лэ, держа в руках свою кожу, в панике быстро поднялся на четвёртый этаж особняка. Спотыкаясь, он добежал до неприметной комнаты в конце коридора. Его руки были заняты, и он не мог открыть дверь. Словно в трансе, он начал биться головой о дверь.

Его лицо было полно страха и мольбы. Всего за несколько минут его изрытое ямками лицо уже начало кровоточить, но он, казалось, не чувствовал боли, продолжая механически биться головой о дверь, что выглядело крайне пугающе.

Когда Тао Янь неспешно поднялся вверх, он увидел именно эту сцену. Облокотившись на перила лестницы, он с интересом наблюдал, явно не собираясь вмешиваться.

Следовавший за ним Инь Чжипэн тоже увидел состояние своего сына. Хотя у Инь Чжипэна было много женщин на стороне, сын у него был только один. Даже если недавно Инь Лэ готов был с ним подраться, сейчас он не мог смотреть на это без боли.

Инь Чжипэн с трудом отвел взгляд и, обратившись к Тао Яню, мягко сказал:

— Господин Тао, это... Что происходит?

Услышав его слова, Тао Янь слегка приподнял бровь и с усмешкой посмотрел на него:

— Что происходит, господин Инь, вы должны знать лучше меня.

На лбу Инь Чжипэна выступил холодный пот. Непрерывные удары головой о дверь, казалось, били прямо в его сердце, заставляя его задыхаться. Но он не мог просто стоять и смотреть, как его единственный сын продолжает это делать. Ведь это его единственный сын!

Стиснув зубы, он произнёс:

— Я не понимаю, о чём вы говорите, но если вы сможете спасти моего сына, я выполню любое ваше условие!

Тао Янь спокойно смотрел на него. Его взгляд, казалось, был невозмутимым, но он словно проникал в самую душу, отчего лицо Инь Чжипэна, и без того не самое приятное, стало ещё хуже, но он не посмел сказать ни слова.

В этот момент ритмичные удары головой о дверь наконец прекратились. Инь Чжипэн обернулся и увидел, что Инь Лэ, который бился головой о дверь, упал, словно марионетка с оборванными нитями, и лежал на полу, неизвестно, живой или мёртвый.

Зрачки Инь Чжипэна резко сузились. Не обращая внимания ни на что, он бросился к Инь Лэ, поднял его на руки и, убедившись, что тот ещё дышит, поспешно позвонил семейному врачу.

После того как отец и сын Инь спустились вниз, на четвёртом этаже остался только Тао Янь. Он медленно подошёл к двери, на которой остались следы крови Инь Лэ. Дверь, которую Инь Лэ долго не мог открыть, словно почувствовала что-то, и чудесным образом открылась.

Увидев открытую дверь, на губах Тао Яня появилась лёгкая улыбка, но на этот раз она не была такой мягкой, как раньше, а скорее леденящей душу.

— Выйдешь сам, или мне придётся действовать?

Тао Янь не вошёл в комнату, а остался стоять у двери, ожидая.

Почти одновременно с его словами из комнаты донесся лёгкий шорох.

Тао Янь не торопился, спокойно стоя у двери, его лицо было непроницаемым.

Через мгновение из комнаты вышла стройная фигура. У неё были блестящие чёрные волосы, и хотя она прошла всего несколько шагов, её движения были невероятно грациозны. Остановившись перед Тао Янем, она внезапно опустилась на колени.

Затем из её рта посыпались мольбы:

— Господин, пощадите, господин, пощадите!

Её голос был нежным, как у ребёнка, и дрожал, вызывая жалость.

— Нелегал?

Тао Янь глядел на дрожащую фигуру.

Та вздрогнула и замотала головой:

— Нет-нет, я не нелегал. Я прошла проверку, вот мой пропуск, пожалуйста, взгляните.

С этими словами она быстро протянула Тао Яню табличку, материал которой был таким же, как у того мужчины в баре несколько дней назад.

Первый день без кудряшек, скучаю по нему: X

<http://bllate.org/book/16192/1452762>